

ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ ВОВЛЕЧЕННОГО ОТЦОВСТВА

Александр Геннадьевич Малышев (mirk912@rambler.ru)

Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Цитирование: Малышев А.Г. (2022) Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 177–207.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.7>

Аннотация. Статья посвящена институциональным формам поддержки вовлеченного отцовства в России. Ограниченное участие отцов в заботе о детях в последние десятилетия во многих странах воспринимается как проблема. Средством ее решения стало формирование институтов, которые призваны создавать условия для более активного участия мужчин в заботе о детях. В статье комплекс таких институтов рассматривается как инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства. Потенциально ее наиболее эффективным элементом является право отца взять отпуск по уходу за ребенком. Такое право в России предусмотрено законодательством, однако редко используется. На материалах исследований, проведенных автором в Санкт-Петербурге, Архангельской, Вологодской и Псковской областях, а также в Республике Карелия, анализируются другие технологии поддержки вовлеченного отцовства: массовые мероприятия, посвященные отцовству, и групповая работа с отцами (папа-школы). Рассматриваются организации, которые реализуют такие технологии: общественные объединения отцов, государственные и некоммерческие организации социальной сферы, образования, здравоохранения, — и механизмы распространения технологий поддержки вовлеченного отцовства. Сделан вывод о том, что инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства в России продолжает формироваться, так как технологии не объединяются, а диверсифицируются, увеличивается разнообразие методов работы с отцами. Проанализированы представления организаторов сервисов и мероприятий по поддержке вовлеченного отцовства о том, распространение какой модели отцовства они считают целью своей работы. Ожидаемым результатом для них является распространение ответственного отцовства, маскулинности, ориентированной на ребенка, а также профилактика отсутствующего отцовства.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченное отцовство, инфраструктура, социальные сервисы, папа-школа, родительство, семейная политика.

Введение

В современном мире институт родительства переживает постепенные, но значительные трансформации. Увеличение доли женщин, участвующих в оплачиваемой занятости, развитие процессов индивидуализации, повлекших трансформацию семейных и родительских ролей, превращение рождения детей из того, что было «естественной вещью», в планирование семьи и ответственное родительство (Beck-Gernsheim 2010: 13) способствовало появлению моделей родительства и отцовства, которые характеризуются более высоким уровнем вовлеченности отца в физический уход за детьми и непосредственное общение с ними, доступностью отца для ребенка и большей степенью ответственности за благосостояние ребенка и заботу о нем, которую отец принимает на себя (Lamb 2000).

Отцовство — сложный социальный феномен, в котором можно выделить два аспекта: с одной стороны, оно представляет собой практики отцовской заботы (fathering), с другой — является социальным институтом (fatherhood), который включает представления, нормы, ценности, связанные со статусом отца (LaRossa 1988: 451, Doherty, Kouneski, Erickson 1998: 278; Безрукова, Самойлова 2020: 238, Чернова 2012: 107). Практики отцовской заботы индивидуальны и рефлексивны, их конфигурация в каждом случае определяется сложным комплексом социальных, экономических обстоятельств, нормативных установок и представлений об отцовстве (Williams 2008: 500–501). В последние десятилетия социальные науки предпринимают попытки описания изменений отцовства, систематизируя модели или идеальные типы отцовства, свойственные различным историческим периодам (Lamb 2000, La Rossa 1988, Pleck 1997). Результатом таких систематизаций является выявление тенденции к тому, что различные модели отцовства в современном обществе сосуществуют, комбинируются в зависимости от обстоятельств, но в целом отцовство трансформируется от модели отца, сосредоточенного на обеспечении материального благосостояния семьи, к модели отца, который вовлечен в заботу о детях. При этом представления об отцовстве, желаемом объеме отцовского участия в заботе о детях часто отличаются от реальных практик отцовской заботы, которые в меньшей степени соответствуют модели «вовлеченного отца», чем представления (LaRossa 1988: 456). Исследователи отмечают ряд положительных эффектов активного участия отцов в заботе о детях: оно способствует физическому, эмоциональному и интеллектуальному развитию детей, благоприятно сказывается на здоровье самих отцов и их отношениях с матерями (Levtov et al. 2015: 40–44). Это привело к тому, что вовлеченное отцовство рассматривается как

желательное, а ограниченное участие отцов в заботе о детях — как проблема, требующая решения на уровне семейной политики (Чернова 2012: 115; Безрукова, Самойлова 2020: 250; Рождественская 2020: 161). Средством ее решения стало формирование институтов и структур, которые призваны создавать условия для более активного участия мужчин в заботе о детях, предоставляя им необходимые для этого ресурсы: отцовские отпуска, знания об уходе за детьми, психологическую поддержку, социальную помощь и т.п. В статье мы рассматриваем комплекс таких институтов и структур как инфраструктуру поддержки вовлеченного отцовства. Инфраструктуру можно определить как констелляцию объектов, образующих систему, которые создают основания для действий других объектов (Larkin 2013: 329). Инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства, соответственно, представляет собой систему социальных сервисов и мероприятий, нормативных актов, которая создает условия для активного участия мужчин в заботе о детях и их воспитании.

Цель статьи — анализ формирующейся инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства и ее институционализации на региональном уровне на примере Северо-Западного федерального округа. СЗФО выбран в качестве примера в силу того, что в значительной части входящих в него регионов формирование институтов поддержки вовлеченного отцовства началось достаточно давно (около 10–15 лет в зависимости от конкретного региона). Задачами являются изучение технологий поддержки вовлеченного отцовства, институций, которые их реализуют, а также представлений организаторов поддержки вовлеченного отцовства о той модели отцовства, распространение которой они считают целью своей работы.

Эмпирическая база и методы исследования

Статья основана на материалах проведенных автором социологических исследований институциональных форм поддержки вовлечения отцов в заботу о детях. Методом сбора материалов являлось полуструктурированное экспертное интервью с представителями организаций, работающих в области поддержки вовлеченного отцовства, включавшее три тематических блока:

- история включения в сферу поддержки вовлеченного отцовства;
- формы и технологии работы информанта с отцами;
- разделяемые участниками и организаторами работы с отцами представления и ценности в области родительства и отцовства.

Материалы собирались в два этапа: с августа по октябрь 2015 г. в ходе исследования «Организационный потенциал распространения ответствен-

ного отцовства на Северо-Западе России» (Малышев 2017б) и с мая по декабрь 2018 г. Всего собрано 17 интервью в пяти регионах: Санкт-Петербурге (9), Архангельской (4), Вологодской (1), Псковской (1) областях и Республике Карелия (2). В исследовании приняли участие представители некоммерческих организаций (9), государственных организаций (учреждений сферы социальной защиты, женских консультаций, школ) (7) и религиозной организации (1). Критерием отбора информантов было наличие в деятельности организации направления работы, связанного с поддержкой вовлеченного отцовства и непосредственное участие информанта в этой работе в качестве организатора, инициатора или исполнителя. Материалы интервью сгруппированы и проанализированы при помощи тематического кодирования.

В целях обеспечения анонимности информантов в списке процитированных интервью регион, в котором работает информант, указан только в том случае, если это Санкт-Петербург. В описании интервью информантов из других регионов указана примерная численность населения и статус города, в котором живет и работает информант.

В качестве дополнительных источников информации использовались материалы в сети Интернет и публикации в СМИ, освещающие проблемы работы с отцами, материалы презентаций и выступлений на конференциях и семинарах представителей организаций, работающих в области поддержки вовлеченного отцовства. Указанные материалы собирались автором с 2010 по 2020 г.

Нормативное регулирование поддержки вовлеченного отцовства

В российском законодательстве понятие «инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства» не используется, однако часть ее элементов закреплена в нормативных актах.

Несмотря на то что в России поддержка отцовства декларируется пунктом 2 статьи 7 Конституции РФ, а защита отцовства — статьей 1 Семейного кодекса Российской Федерации, можно отметить ограниченность нормативно-правовой поддержки отцовства (Зыков 2020: 51) и гендерную асимметрию поддержки родительства, восходящую к советским законодательным нормам, которыми декларировались равные права мужчин и женщин, но ни статус отца, ни даже понятие «отцовство», в отличие от статуса матери и понятия «материнство», не упоминались (Деревянко, Мархгейм 2012: 33). Впервые понятие «отцовство» на уровне основного закона встречается в редакции Конституции РСФСР от 10 декабря 1992 г. В Конституции РФ 1993 г. оно было закреплено наряду с по-

нятием «материнство», после чего постепенно в нормативные акты, устанавливающие права родителей, вносились нормы, наделяющие отцов правами, аналогичными правам матерей, однако до сих пор отцовство в российском законодательстве чаще рассматривается в ряду других институтов, связанных с родительством (семья, материнство, детство), а в отдельных нормативных актах отец до сих пор выступает как вторичная фигура по отношению к матери.

Наиболее действенным элементом инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства является возможность для отца взять отпуск по уходу за ребенком (Чернова 2011: 81). Впервые право на отцовский отпуск было установлено в Швеции в 1974 г. (Klinth 2008: 21). В России право отца взять отпуск по уходу за ребенком в возрасте до трех лет установлено с 2001 г. Трудовым кодексом. Воспользоваться данным отпуском отец может полностью или частично в случае, если право на него не используют мать или другие родственники (Трудовой кодекс Российской Федерации). Отцы в России редко используют свое право на отпуск по уходу за ребенком (Безрукова, Самойлова 2017: 116). Такая ситуация во многом объясняется значительной диспропорцией в доходах мужчин и женщин в России, которая делает финансовые потери семьи от недополученного работающим родителем дохода более значительными, если отпуск берет отец (Lipsova 2017: 636), поскольку пособие по уходу за ребенком составляет только 40 % среднего заработка (Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании...»). Негативное влияние на количество отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком, оказывает недостаточная поддержка работодателями и государством работников с семейными обязанностями, ограниченные возможности совмещать гибкую оплачиваемую занятость и заботу о детях (Безрукова, Самойлова 2019а: 98), а также распространённые представления о модели распределения обязанностей внутри семьи, в которой забота о детях считается наиболее приемлемой для матери, а от отца ожидается обеспечение материального благополучия (Малышев 2017а; Åberg, Ekman, Rodin 2017; Груздева, Калачикова 2019; Безрукова, Самойлова 2019а). Трудовым кодексом РФ мужчинам также гарантирован отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до пяти дней в случае рождения ребенка (Трудовой кодекс Российской Федерации). Этот вид отцовского отпуска берет только четверть российских отцов (Римашевская, Малышева, Пискалова-Паркер 2017: 29). Его крайне небольшая продолжительность, отсутствие оплаты и низкая осведомленность о нем отцов (Отцовство в России сегодня 2016) не позволяют отнести его к значимым элементам институциональной поддержки вовлеченного отцовства. Более

действенной, но также ограниченной мерой является предоставленная отцам трудовым законодательством возможность взять вне графика ежегодный оплачиваемый отпуск в период нахождения жены в отпуске по беременности и родам (Трудовой кодекс Российской Федерации).

Впервые понятие «ответственное отцовство», проблематизация недостаточно активного участия отцов в заботе о детях встречаются в Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 гг., в которой отмечается необходимость активной роли отца как инструмента повышения солидарной ответственности родителей и семьи за рождение и воспитание детей (Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы), для чего Концепцией предусмотрен ряд мер: пропаганда ответственного отцовства, дополнительные образовательные программы для отцов и будущих отцов, создание условий для участия отцов в родах, реализация программ поддержки особых категорий отцов (например, одиноких отцов) и программ, направленных на укрепление ответственного отцовства, учреждение общегородского праздника День отца (Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы). В дальнейшем некоторые направления поддержки вовлеченного отцовства были включены в программные и нормативные документы федерального уровня. Так, Концепцией государственной семейной политики в России предусмотрена пропаганда ответственного отцовства, реализация дополнительных образовательных программ для мужчин (Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года), а праздник День отца утвержден Указом Президента РФ (Указ Президента Российской Федерации от 04.10.2021 № 573 «О Дне отца»).

Технологии поддержки вовлеченного отцовства

Обозначенные рамками федеральных и региональных программных документов направления поддержки вовлеченного отцовства уже более десяти лет являются полем деятельности общественных и государственных организаций (Васильева, Воронов 2013; Еремин 2017; Малышев 2017). В настоящее время наиболее распространены две группы технологий, направленных на вовлечение отцов в заботу о детях:

- массовые акции для семей, посвященные теме вовлеченного отцовства (например, «День отца»);
- групповая работа с отцами или будущими отцами, направленная на предоставление им ресурсов, необходимых для участия в заботе о детях (психологическая поддержка, информация, социальная помощь и т.п.).

День отца

Праздники День отца проходят как организованные культурно-массовые мероприятия для семей, в программу которых включаются спортивные, творческие интеллектуальные конкурсы и игры, выставки, развлекательные мероприятия. В качестве успешного примера праздника, посвященного отцовству, информанты называли летний фестиваль на открытом воздухе «Папин день» в Санкт-Петербурге, который ежегодно проводил «Папин/мамин журнал» с 2009 г. Фестиваль проходил по единой технологии (программа, набор методических приемов организации мероприятия, например конкурсов, средств оформления площадки фестиваля, украшений, слоганов и т.п.) в Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области (г. Кингисепп). В Санкт-Петербурге фестиваль посещали до 17 000 человек (Сусорова, Лебедева 2018: 100). На Северо-Западе мероприятия подобного характера, но меньшего масштаба проводились в Вологодской (с 2002 г.) и Архангельской (с 2009 г.) областях, а также в Республике Карелия.

Проведение масштабных массовых мероприятий требует привлечения ресурсов, в том числе финансовых, отсутствие которых было препятствием для реализации подобных проектов. Так один из информантов описал финансовые сложности, возникавшие при попытке организации Дня отца в 2015 г.: «И мы хотели уже этот праздник проводить. Мы уже даже... договорились насчет площадки с директором парка... Он сказал, что какие-то поощрительные призы — это ищите, а что касается... бесплатно покатать детей на качелях, или... соревнования провести... для этого найдем место... Но, поскольку наш проект не поддержала администрация финансово... мы... решили взять паузу...» (инт. 2).

Проведение массовых акций, посвященных ответственному отцовству, позволяет привлекать внимание как мужчин, так и общества в целом к проблеме вовлеченного отцовства. Например, один из информантов, организовывавший празднования Дня отца в форме массового мероприятия несколько лет подряд, отметил, что такие акции — информационная поддержка для постоянной работы с отцами: «Эти мероприятия для освещения хорошо. Они для СМИ — флаг. Дальше — основная деятельность» (инт. 3).

Групповая работа с отцами

Групповые формы работы с отцами представляют собой технологии, которые ориентированы на адаптацию мужчины к различным аспектам

отцовской роли. Развиваться на Северо-Западе России они начали с 2007 г., когда в Санкт-Петербурге появились группы для мужчин, которые готовятся стать отцами, — папа-школы (Холостова, Климантова 2016: 117; Еремин 2019: 26; Безрукова, Самойлова 2019б: 204). Папа-школы представляли собой циклы встреч, на которых группа будущих отцов под руководством модератора, также являющегося отцом, обсуждала вопросы, связанные с заботой о ребенке в первые месяцы жизни. О.Н. Безрукова определяла первые папа-школы как коммуникативные сети отцов, имеющих схожие представления о приемлемости и/или желательности для отцов практик активного участия в заботе о детях. Их целью был обмен социальным капиталом в виде ресурсов доверия, информации, родительских компетенций и опыта (Безрукова 2012: 21).

Примеры групповой работы с отцами имели место до появления технологии папа-школ (например, при женских консультациях). В одном из последних интервью И.С. Кон описывал попытку организовать работу с отцами в 1970-е годы в Ленинграде (Феминизм — отец науки о мужчинах). Но такая работа велась спорадически на неустойчивой организационной основе. С началом распространения папа-школ группы для отцов стали не разовым проектом, а создавались как система поддержки будущих отцов. Один из информантов так описал, чем отличались существовавшие ранее проекты работы с отцами от папа-школ: «Были и раньше такие сообщества, они же стихийно возникали, для пап были курсы разные, но не было системы, чтобы не раз в полгода, а постоянно» (инт. 4).

Первые папа-школы в Санкт-Петербурге проводились по технологии, заимствованной в Швеции (Малышев, Парфенова 2012: 72; Бергрэн и др. 2010: 8). Шведские группы для отцов и будущих отцов предназначались для того, чтобы мотивировать мужчин использовать право на отцовский отпуск (Klinth 2008: 21). На специальных циклах встреч мужчинам, которые только что стали отцами или готовятся ими стать, предлагалось обсудить проблемы отцовства, свои переживания и опыт, связанные с исполнением отцовской роли, познакомиться с имеющимся у членов группы опытом решения проблем, связанных с отцовством и заботой о детях (Klinth 2008: 27).

Организация работы с отцами по такой технологии требовала ресурсов от организаторов: помещения, привлечения и обучения модераторов, которые сами должны были быть отцами, мотивированных отцов детей раннего возраста или будущих отцов для участия в группах и т.п. Информанты из числа организаторов групповой работы с мужчинами отмечали, что доступ к таким ресурсам у них был ограничен и представлял проблему, которая часто решалась адаптацией технологии к имеющимся условиям

и ресурсам. Поскольку использование отцами отпуска по уходу за ребенком не распространено, наиболее частой проблемой, о которой упоминали организаторы папа-школ, был именно подбор мотивированных участников. Этот тезис можно иллюстрировать словами информанта о наиболее серьезных затруднениях, с которыми его организация столкнулась при проведении папа-школ: «Самое сложное — приглашение и доведение информации до мужчин» (инт. 5). Столкнувшись с невозможностью подобрать необходимое количество участников группы из числа будущих отцов или отцов детей возраста до трех лет, организаторы искали способы привлечь иные категории мужчин. Появились группы для отцов учеников школ или клиентов социальных служб, мужей пациенток женских консультаций и т.п. Место поиска участников определялось возможностями доступа к аудитории. Так, один из информантов описал, как смог таким способом преодолеть трудности, связанные с подбором потенциальных участников папа-школ:

Когда мы стали набирать группу, мы столкнулись с трудностью, что как раз «беременных» пап мы не смогли набрать... И моя коллега как школьный психолог сказала: «Давай эту идею посодействуем через родительское собрание в школе». И она... вышла напрямую к классным руководителям первого класса и сказала, что первое родительское собрание... приглашаются одни папы... И тут выступила я со своей презентацией папа-школы... И папы откликнулись (инт. 6).

В отдельных случаях происходила фокусировка на отцах в кризисной ситуации, что было обусловлено как возможностью доступа организаторов к этой аудитории, так и запросом организаций, на базе которых папа-школы проводились. Например, один из информантов, работающий в благотворительном фонде, ориентированном на поддержку семей и детей, описал и объяснил изменения в аудитории участников групп для отцов, проводимых его организацией:

Прошла небольшая переориентация и сейчас, т.к. наша организация ориентируется на работу с трудными категориями граждан и в теме профилактики социального сиротства, то мы основной упор делаем на кризисные семьи, семьи в трудной жизненной ситуации, и семьи, которые заявляют или могут заявить отказ от новорожденного ребенка, который вот-вот родится... Группы являются открытыми для любых желающих, но мы приглашаем через наших специалистов, которые работают со случаями трудной жизненной ситуации, мужчин из таких семей (инт. 7).

Расширение возраста детей участников папа-школ иногда обосновывалось не возможностями доступа к целевой аудитории, а планами организаторов работать со специфическими проблемами, с которыми сталкиваются отцы детей разного возраста. Например, один из информантов так объяснял, что его организация планирует расширить целевую аудиторию групп для отцов (в момент проведения интервью организация проводила папа-школы только для отцов новорожденных детей и будущих отцов): «Со следующего года у нас планируется расширение, будем работать по трем... возрастным периодам: до рождения, до двух лет, когда проблемы на пап навалились, и он понял, что не готов, с 7 лет, и подростковый период — сложности, связанные со школой, с обучением и с пубертатным периодом» (инт. 7).

Изменение целевой группы папа-школ сопровождалось расширением ожидаемых результатов работы с отцами. Информанты отмечали, что группы, которые они проводят, наряду с включением мужчины в поддерживающее сообщество ориентированы:

- на обучение отцов и будущих отцов навыкам заботы о новорожденном ребенке и подготовке к присутствию на родах;
- обучение мужчин взаимодействию с детьми разного возраста, например «мужчин, тех, кто не знает, как заниматься воспитанием, но хотел бы» (инт. 8);
- преодоление кризиса в семье, в том числе организация поддержки одиноких отцов;
- создание площадки для общения отцов, разделяющих общие представления о семье и семейном воспитании;
- психотерапевтическая помощь отцам.

Группы, организованные по шведской технологии, вел мужчина, который сам имел опыт отцовства (Бергррен и др. 2010). Наличие профильного образования при этом не было принципиально важным. В группах, изученных в ходе исследования, большинство модераторов имели профильное образование (психология, педагогика, реже — социальная работа и т.п.) и были профессионалами, работающими в сфере поддержки семьи и родительства. Объявления о проведении папа-групп часто подчеркивают, что модератором является профессионал, например: «занятия в группах ведут профессиональные психологи» (инт. 5). Развитие работы по поддержке вовлеченного отцовства силами профессионалов отражает наблюдающуюся в российском обществе тенденцию профессионализации родительства (Чернова, Шпаковская 2016) и отцовства как его компонента: родительство все в большей степени рассматривается как сфера деятельности, требующая обучения, экспертного знания о том, как

«правильно» заботиться о детях. Вовлеченное отцовство в этом контексте — это практика, которую могут помочь освоить профессионалы.

Адаптация технологии папа-школы привела фактически к диверсификации этой технологии и появлению новых технологий. Группы для отцов в настоящее время стали вариативным набором технологий работы специалистов в области психологической поддержки мужчин в период адаптации к статусу отца, просвещения отцов в вопросах воспитания, семейной и детской психологии, поддержки отцов в кризисных ситуациях.

Организационный потенциал инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства

В России практически нет организаций, целью деятельности которых является исключительно поддержка вовлеченного отцовства. Исключение составляют специально создаваемые общественные объединения отцов, которые чаще всего называются «советы отцов» или «союзы отцов». Они представляют собой постоянно действующие организации (общественные объединения, общественные движения), которые формируются на трех уровнях: федеральном (например, Совет отцов при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Межрегиональная общественная организация поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов»), региональном (например, общественная организация «Совет отцов Санкт-Петербурга») и локальном уровне (при образовательных организациях). Хотя такие организации создаются и репрезентируют себя как НКО типа grass-roots, инициативы снизу (Henry 2006), часто они имеют черты, характерные для НКО, аффилированных с органами власти или государственными организациями (Henry 2006). Так, некоторые советы отцов при школах прямо обозначают себя как «структурные подразделения» соответствующих образовательных организаций: «Совет отцов лица... является структурным подразделением в организации работы по предупреждению безнадзорности, правонарушений и преступлений» (Положение о Совете отцов ГБОУ «Лицей № 395»).

Советы отцов при образовательных организациях ставят своей целью «интеграцию отцов в жизнь ребенка в процессе его обучения» (Холостова, Климантова 2016: 120), что подразумевает вовлечение отцов в воспитание, однако в довольно узком аспекте: во взаимодействии с образовательной организацией. Советы отцов этого уровня занимаются такими видами деятельности, как организация досуга детей (подготовка соревнований и конкурсов, фестивалей и т.п.), создание кружков и клубов для детей, деятельность которых посвящена военной, спортивной и тому

подобной тематике, участие в субботниках, школьных праздниках (Васильева, Воронов 2013: 173).

Федеральные и региональные организации отцов декларируют, что они предназначены для объединения «социально активных отцов» (Межрегиональная общественная организация «Союз отцов»). Объединения отцов этого уровня проводят информационно-просветительскую работу по вопросам отцовства, выступают представителями общественности при обсуждении решений органов власти и сами обращаются в органы власти с предложениями по совершенствованию поддержки различных категорий отцов («Союз отцов» предлагает распространить на одиноких многодетных отцов право...), содействуют организации социальной поддержки семей и детей, участвуют в проведении мероприятий по тематике родительства и отцовства (в отдельных регионах при поддержке регионального общественного объединения отцов проводится День отца и папа-школы).

Многие общественные объединения отцов достаточно сильно вертикально интегрированы: сначала создавалось региональное объединение отцов, а потом формировалась местная сеть, включая в свою структуру уже действующие локальные объединения отцов. Например, активный участник одной из региональных общественных организаций отцов так описывает ее создание: «...родилось движение “Совет отцов... области”. Инициатором выступил женсовет... Движение было создано сначала “сверху” на уровне области» (инт. 8).

Отцовство представляет собой социальный субинститут родительства (Саралиева 2014: 121), поэтому технологии поддержки вовлеченного отцовства развиваются в организациях сферы поддержки семьи и родительства: женских консультациях, которые дополняют подготовку будущих матерей к родам группами для будущих отцов, организациях социальной защиты семей и детей, образовательных учреждениях. Организации сферы социальной защиты проводят папа-школы для своих клиентов (Малышев 2017а; Цин 2017). Так, по состоянию на начало 2021 г. только в Санкт-Петербурге в 11 организациях сферы социальной защиты населения действовали папа-школы (из них две — НКО и девять — государственные учреждения социальной защиты населения). Общее количество отцов, прошедших занятия в них, организаторы оценивают как около 130 в год.

Руководитель общественной организации социальной помощи семье, на базе которой длительное время действует папа-школа, описывая начало работы в области поддержки вовлеченного отцовства, отмечает, что данная работа совпала с предусмотренным уставом направлением деятельности данной организации: «После того как ребята из других областей

рассказывали, как у них группы ведутся, у меня в душе шевельнулось: я тоже такое сделаю... Поскольку это прямо соответствует нашему уставу, целям и задачам, мы тоже решили открыть такую группу» (инт. 5).

Поскольку поддержка вовлеченного отцовства декларируется программными документами, определяющими направления реализации семейной политики Российской Федерации (Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года), такая деятельность инкорпорируется в работу как негосударственных, так и государственных организаций. Наиболее важным условием начала работы организации по поддержке вовлеченного отцовства было наличие в распоряжении организации профессионалов, работающих с родительством (педагогов, психологов, специалистов по социальной работе), которые видели в работе с отцами для себя возможности профессионального развития, а для организации — перспективное поле деятельности.

Организации, реализующие технологии поддержки вовлеченного отцовства, практически не объединяются в формальные ассоциации (за исключением союзов/советов отцов), однако, поскольку среди профессионалов, работающих в этой области, востребован обмен опытом, обсуждение методов работы, формируются неформальные сети специалистов, увеличивающие ресурсный потенциал инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства в целом (Григорьева, Козлова, Самойлова 2006: 151). Отдельные организации проводят семинары, конференции или секции на конференциях по тематике родительства, посвященные работе с отцами. В них принимают участие профессионалы, чья деятельность связана с поддержкой вовлеченного отцовства. На мероприятиях специалисты устанавливают и поддерживают связи с коллегами, которые занимаются работой с отцовством, часто имеющей общее или близкое название («папа-школа», «папа-группа» «папин день», «день отца»), но не всегда совпадающее содержание, что обусловлено вариативностью технологий поддержки вовлеченного отцовства (например, папа-школ). Таким образом, говорить о складывающихся сетях профессионалов, работающих в области поддержки вовлеченного отцовства, как о сетях технологий можно лишь с оговорками.

Отдельные организации, обладающие методическим потенциалом и опытом работы, предпринимают попытки распространять успешные технологии работы с отцами и формировать сети технологий поддержки вовлеченного отцовства. С 2010 до 2014 г. в Санкт-Петербурге действовала общественная организация, реализовавшая «запускающий сценарий» в развитии технологии папа-школ (Мальшев, Парфенова 2012: 75–80). Был создан сайт, содержащий методические материалы для специалистов,

интересующихся работой с применением технологии папа-школ, разработано методическое пособие (Бергррен и др. 2010), проводились семинары, направленные на презентацию технологии среди профессионалов, работающих в сфере поддержки родительства: врачей женских консультаций, специалистов по социальной работе организаций помощи семьям и детям, сотрудников образовательных организаций. Информирование о технологиях поддержки вовлеченного отцовства, возможность адаптировать технологии работы с отцами, встроив их в работу достаточно широкого круга организаций, деятельность которых связана с родительством, а также растущая популярность темы отцовства среди профессионалов, работающих с семьями, создали условия для привлечения новых специалистов и организаций. Часто технологии поддержки вовлеченного отцовства осваивались в ходе ознакомительно-обучающих семинаров и/или стажировок. Например, один из организаторов папа-школ так описал свое знакомство и начало работы с этой технологией: «Идею [работы с отцами] мы увидели в трансляции Николая Николаевича [Еремина, руководителя общественной организации, реализовавшей «запускающий сценарий» папа-школ] на одном из наших семинаров просто как участника. Потом они приглашали нас на обучение к коллегам..., и дальше мы этот проект запустили у нас» (инт. 7). Не всегда работа с отцами начиналась с обучения, непосредственного взаимодействия с организацией, распространявшей информацию. Сайт, литература являлись открытыми ресурсами, к которым обращались специалисты, желающие развивать работу с отцами. Один из информантов, рассказывая о начале работы с технологией папа-школ, отметил, что заинтересовался ей только после изучения материалов сайта: «Николай Николаевич приехал в наш город и ознакомил с данной технологией папа-школ. Сначала это меня не вдохновило: очередная технология... Потом я сам по себе начал работу по папа-школам, когда я вышел на ресурс «папа-школа.ру»... Началась работа с отцами» (инт. 8).

В настоящее время работу по содействию в освоении технологии папа-школ и пап-групп ведут несколько общественных организаций. Они проводят методические семинары для специалистов некоммерческих организаций и государственных учреждений социальной защиты, здравоохранения, поддерживают сайты с методическими материалами для этой работы (например, Папашкола.рф).

Представления о целях поддержки вовлеченного отцовства

Представления о желательной модели реализации роли отца в российском обществе сегодня довольно вариативны (Åberg, Rodin 2014;

Lipasova 2016), поэтому деятельность по поддержке вовлеченного отцовства может быть направлена на различные цели, несмотря на единую номинацию (например, «ответственное отцовство»), используемую для их обозначения. Мы попытались определить цели организаторов инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства путем реконструкции их представлений о той модели отцовства, над распространением которой они работают. Для структурирования представлений о желаемых моделях отцовства использована следующая типология: отец-кормилец (главное содержание отцовского вклада в семью — обеспечивать и выступать в качестве ее главы, персонификатор власти в семье), «отсутствующий отец» (отец отсутствует в жизни детей физически или практически полностью устраняется от участия в заботе и воспитании), «ответственный отец» (отец участвует в заботе о детях, но меньше, чем мать), «новый отец» (вклады отцов и матерей области заботы и воспитания равны) (Клецина 2009: 35). Две последние модели можно отнести к моделям вовлеченного отцовства.

Государственные программные документы

Объяснения, для чего необходимо стимулировать вовлеченное отцовство, обозначены Концепцией семейной политики Российской Федерации.

Хотя Концепция предусматривает меры по поддержке распространения вовлеченного отцовства, отец в ней рассматривается в первую очередь как кормилец, а мать как поставщик заботы (Чернова 2018: 7). Концепция выделяет три цели, для которых создаются институционализованные формы поддержки отцовства:

- формирование ответственного отцовства;
- повышение социальной роли отца;
- вовлечение мужчин в семейные дела и воспитание детей (Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года).

Указание на необходимость повышения социальной роли отца, вовлечение в воспитание детей и семейные дела основано на констатации дефицита в данной области. Слова «отец» или «отцовство» в Концепции упоминаются всего пять раз в трех предложениях, при этом в одном из них речь идет о проблеме уклонения отцов от уплаты алиментов после развода. Концепция в качестве целевого ориентира работы с отцами видит преодоление дефицита в области социального статуса, престижа и реализации социальной роли отца, а также распространенных в российском обществе представлений о необязательности участия отца в заботе о детях и их воспитании (Синельников 2015), что характерно для модели «отсут-

ствующий отец». Таким образом, она ориентирована на вовлечение отца в заботу и воспитание, чтобы он не стал «отсутствующим» в переносном или прямом смысле, пополнив статистику уклоняющихся от уплаты алиментов отцов. Концепция не ставит целью добиться равного распределения обязанностей по заботе о детях между родителями и обеспечение гендерного равенства в семье (Печерская 2012: 338), что характерно для модели «новый отец», а лишь предусматривает формирование дополнительных нематериальных стимулов для участия отцов в уходе за детьми, поэтому, несмотря на то что понятие «ответственное отцовство» в Концепции не определяется, можно констатировать, что именно поддержка модели «ответственное отцовство» является целью Концепции, наряду с противодействием распространению модели «отсутствующий отец», что согласуется с российской социальной политикой в отношении родительства, которую можно отнести к типу «мужчина — слабый кормилец» в типологии Льюис (Lewis 1992: 168), подтипу «двойной добытчик/государство-женщина, осуществляющие уход» (Motiejunaite, Kravchenko 2008: 42). В рамках этого подтипа доход семьи обеспечивают оба родителя, а заботу — женщина и общественные институты заботы. Отец не является обязательным участником заботы о детях, стимулы для его участия в заботе ограничены (Motiejunaite, Kravchenko 2008: 42), однако его отсутствие рассматривается как нежелательная ситуация, которая может привести к дефициту экономических ресурсов семьи, сложностям в воспитании детей, снижению количества рождающихся детей.

*Организаторы сервисов и мероприятий, направленных
на поддержку вовлеченного отцовства*

Обеспечение заботы о детях длительное время считалась прерогативой матери (Мортари 2016: 28), поэтому вовлечение отцов в эти процессы обычно связывается с формированием гендерно равного родительства (Чернова 2011: 81; Отцовство в России сегодня 2016) и распространением модели «новый отец». С этой целью формировались инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства в европейских странах (Johansson, Klinth 2008). Однако активное участие отцов в заботе о детях и их воспитании не является исключительно показателем приверженности мужчин, которые его реализуют, ценностям гендерного равенства в семейных отношениях. Российские отцы, активно участвующие в практиках заботы о детях, в некоторых случаях могут не разделять представления о необходимости гендерного равенства в семье (Малышев 2017а: 85; Lipasova 2016: 209). Организаторы сервисов и мероприятий по поддержке вовлеченного отцовства также придерживаются различных взглядов на модель

нового отцовства. Часть организаторов сервисов для отцов в качестве цели своей работы описывают отцовство, близкое модели «новый отец». Например, организатор одной из первых папа-школ в Санкт-Петербурге так описывал цели работы этого сервиса: «Хотим показать мужчинам, что... они могут быть включены в воспитание детей.... Показать мужчинам, что отец может выполнять те же самые функции, что выполняет мать, за исключением кормления грудью» (инт. 1).

Однако для многих организаторов сервисов для отцов большое значение имеет не столько равенство родителей в вопросах заботы и воспитания, сколько вообще участие отца в воспитании детей. Гендерное равенство в сфере родительства рассматривается как желательная, но отдаленная перспектива, что объясняется особенностями российского общества и его культуры, быта и занятости (распространенные представления о роли отца как добытчика, вахтовый метод работы мужчин и т.п.). В качестве иллюстрации можно привести цитату из интервью с модератором и организатором папа-групп.

Гендерное равенство здесь не придет так быстро, не изменится ситуация... Меняется!.. У нас мужчина — добытчик. Для нашей культуры говорить о четком гендерном равенстве, это не совсем всегда корректно бывает. Взятие равной ответственности, что мы родители, что мы оба приняли решение, что будет ребенок, и мы оба о нем заботимся — это да. Но от того контекста, в котором существует семья многое зависит... Например, отец уходит на вахту на месяцы. Но при этом, когда он возвращается в семью, если... он... нет пропасты вот этой в плане близких отношений с ребенком — это тоже замечательно... Папа приехал, и все счастливы... не только короткий период, когда прошла адаптация, а потом папа говорит: «Скорей бы на работу выйти, я от вас устал». Нет, когда он наслаждается в семье (инт. 6).

Информант, как видно из приведенной цитаты, считает важным участие как матери, так и отца в заботе и воспитании ребенка, при этом речь не идет о равной включенности, а скорее об участии отца без уточнения требований к объему и интенсивности этого участия. Такой тип отцовства совпадает с моделью «ответственный отец». Характерно также маркирование как нежелательного поведения отцов, соответствующего модели «отсутствующий отец».

Мать в общественном сознании связана с символическим багажом знаний о заботе (Мортари 2016: 74), которого недостает отцу. Многие

организаторы сервисов и мероприятий для отцов видят свою задачу в восполнении этого дефицита знаний, с которым сталкиваются отцы, предупредив тем самым исключение их из родительских практик, превращение в отсутствующих отцов. Можно проиллюстрировать это высказыванием информанта о его представлениях о целях его работы с отцами: «Мужчина должен вернуться в семью и вернуться в общество как семьянин. Поэтому ожидание общества — отцы будут активнее участвовать в воспитании, и они готовы учиться» (инт. 8).

Отец, который взаимодействует с инфраструктурой поддержки вовлеченного отцовства, многими информантами рассматривается как человек, любящий своих детей, но в недостаточной или неудовлетворительной степени владеющий инструментами, позволяющими взаимодействовать с ним. Один из информантов примером из своей работы продемонстрировал, какую поддержку, по его мнению, должна представлять мужчинам инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства:

У меня есть друг. Он ко мне приезжает, говорит: У меня дочь, сын вообще не играют игрушками... А ты вообще с ними играешь? Ну как, играл: принесу игрушки, включу музыку, показал... все играй! Я говорю: «Сесть на ковер... а с девочкой тоже надо ж показывать» «А зачем?!» Ну, давай, приводи сына, приходи сам... посмотрим, пообщаемся. Нормальный парень: сели, стали играть в машинки,.. кубики. Он за мной... мы с ним разгружаем, дом строим, лазаем. Папа стоит, смотрит: «Как?»... Вот он походил 2–3 раза ко мне. Первый раз, вообще: человек вот задеревенелый, на ковер сел, брюки боится испачкать... До него дошло на второй раз... Он раньше придет домой: привет-привет, обнял, игрушку подарил, конфетку купил, дал детям, в комнату идите. Папа, там, поел. Папа работает. Нравится игрушка — и все... И осознание пришло... Он заиграл, ему самому стало интересно. Оказывается нужно простую вещь — просто объяснить (инт. 8).

В приведенном примере мужчина фактически отсутствующий отец. Он не включен в активное взаимодействие с детьми. При этом сам отец проблематизирует эту ситуацию. Проблема преодолевается путем повышения родительской компетентности, восполнения дефицита в области практик отцовства и знаний о них.

Хотя большинство организаторов инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства декларируют содействие распространению гендерного равноправия в семье в качестве одной из целей своей работы, отдельные

практики, характерные для модели «новый отец», представляются некоторым из них неуместными. Так, один из информантов описывает свое отношение к практикам, свойственным модели «новый отец», сравнивая работу своей организации с подобными организациями из Европы: «Позиции гендерного равенства, так как это транслируют европейские коллеги, во многом неприменимы сегодня у нас. Но в целом, если их адаптировать под наши реалии и менталитет, они тоже имеют важное значение, соответственно, я не призываю, чтобы мужчины заменяли женщин или суды чаще отдавали опеку над ребенком мужчине, а не женщине. Сейчас эти европейские нормы нельзя бездумно, брать не адаптируя» (инт. 7).

Отдельные организаторы институциональной поддержки вовлеченного отцовства даже указывали, что не считают цели, связанные с гендерным равенством в семье, а, соответственно, «новое отцовство» приемлемыми. Так, один из информантов ответил на вопрос о том, считает ли он, что его работа может способствовать развитию гендерного равенства: «Я не поддерживаю все это гендерное развитие как таковое... У меня взгляды... они более другие, более традиционные» (инт. 9).

Модель «отсутствующий отец» рассматривается организаторами поддержки вовлеченного отцовства как распространенная и укорененная в российском обществе. На профилактику отсутствующего отцовства направлены усилия многих из них. При этом они признают, что часто мотивация к тому, чтобы отказаться от модели «отсутствующий отец» у мужчины может отсутствовать. Например, один из информантов так описывает свои представления о мотивации отцов участвовать в заботе и воспитании детей: «К работе с отцами я подхожу с позиции, что для ребенка отец гораздо более нужен, чем ребенок для отца. В перспективе это для меня аксиома. Если отец не участвуя в жизни ребенка, он ничего не теряет, просто не приобретает... то ребенок теряет, не получает того, что необходимо для полноценного развития» (инт. 7).

Поскольку многие сервисы по поддержке вовлеченного отцовства развиваются на базе социальных служб, фокус их работы смещается с поддержки желания отца участвовать в заботе и воспитании ребенка на предотвращение ухода отца из семьи, «сохранить его как ресурс для семьи» (инт. 7). Например, руководитель социально ориентированной некоммерческой организации, работающей с отцами, описывает ожидаемые результаты этой работы: «Результатом нашей работы с отцами... мы хотим... превентивные меры — профилактика разводов, насилия, сиротства. Все-таки к нам приходят не очень обеспеченные семьи» (инт. 5).

Хотя представления организаторов сервисов и мероприятий для отцов о модели отцовства, которую они считают целью своей работы, демонстри-

руют разнообразие (от модели «новый отец» до отрицания ценности гендерного равенства и модели «отец-кормилец»), они в основном совпадают с представлениями о целях поддержки отцовства, заложенными в Концепции семейной политики: поддержка модели «ответственное отцовство» и профилактика отсутствующего отцовства как распространенной модели отцовства, негативно воздействующей на детей.

Заключение

Ключевым элементом инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства должен выступать отцовский отпуск (право отцов на отпуск по уходу за ребенком), однако он не востребован отцами в России, поскольку на уровне законодательства отсутствуют механизмы, мотивирующие отцов его брать, а экономические условия и представления о гендерном разделении обязанностей в семье снижают мотивацию отцов к активному участию в заботе о детях. В то же время развивается нематериальные инструменты поддержки вовлеченного отцовства («День отца», групповая и социальная работа с отцами и т.п.), которые оказывают положительное, но менее действенное и масштабное по сравнению с отцовским отпуском влияние на вовлечение отцов в заботу о детях.

Поддержка вовлеченного отцовства в России реализуется как некоммерческими организациями, так и государственными учреждениями, при этом она является преимущественно сферой деятельности профессионалов из таких областей деятельности, как социальная работа с семьями, семейная психология, образование, здравоохранение и т.п. Можно отметить тенденции к формированию сетей профессионалов, работающих с отцовством, ряд попыток распространять успешные технологии работы с отцами.

Инфраструктуры начинаются как ряд локально развивающихся независимых технологий с широко переменными техническими стандартами, а становятся собственно инфраструктурами, когда или возникает господствующая технологическая система, или независимые системы сходятся в сеть (Larkin 2013: 329). Господствующих технологий поддержки вовлеченного отцовства в настоящее время в России не возникло, о чем свидетельствуют как результаты проведенного исследования, так и то, что среди российских национальных и региональных стандартов социального обслуживания нет стандартов работы не только с отцами, но и с мужчинами как особой категорией получателей социальных услуг (Еремин 2017: 34; Хитрук 2017: 126). Применяемые технологии работы с отцами часто имеют локальную специфику, определяемую доступными реализующим их организациям ресурсами, что, с одной стороны, сдерживает раз-

витие инфраструктуры поддержки вовлеченного отцовства как сети технологий, с другой — увеличивает методический арсенал работы с отцами, стимулирует поиск оптимальных методов поддержки вовлеченного отцовства. Таким образом, можно констатировать, что инфраструктура поддержки вовлеченного отцовства в России пока только формируется.

Организаторы сервисов для отцов видят цель своей работы в профилактике отсутствующего отцовства, адаптации мужчины к роли отца и его поддержке в этой роли, популяризации вовлеченного отцовства, при этом ожидаемым результатом работы для них чаще является не «новое отцовство», основанное на маскулинности, ориентированной на гендерное равенство, а ответственное отцовство, ориентированное скорее на ребенка, а также профилактика отсутствующего отцовства, что в целом совпадает с целями поддержки вовлеченного отцовства, обозначенными программными документами Российской Федерации в области семейной политики и типом российской социальной политики в отношении родительства.

Литература

Безрукова О.Н. (2012) Новые практики поддержки молодых отцов. *Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров*, 2: 20–22.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2017) Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? *Социологические исследования*, 7: 116–125.

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. (2019а) «Папы по любви» и «папы по неволе», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? *Социологические исследования*, 7: 90–101.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2019б) Поддержка отцовства — новое направление семейно-демографической политики современной России. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. (ред.) *Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика»*. М.: Экон-Информ: 202–205.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2020) Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 232–272.

Васильева С.М., Воронов А.Н. (2013) Институциональные формы работы с отцами в современной России (на примере Санкт-Петербурга). *Отечественный журнал социальной работы*, 3: 169–176.

Григорьева И.А., Козлов А.А., Самойлова В.А. (ред.) (2006) *Социальная работа и гражданское общество*. СПб.: Скифия-принт.

Дервянко П.А., Мархгейм М.В. (2012) *Институт отцовства в России: проблемы конституционно-правовой теории и практики*. Ростов н/Д.: Ростиздат.

Еремин Н.Н. (2017) Обзор практик социальной работы с отцами. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*, 11: 30–45.

Еремин Н.Н. (2019) От первых папа-школ до всероссийских союзов: хроника перемен организованной работы с отцами. Фролова И.В. (ред.) *Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности: сборник материалов междунар. науч.-прак. конф.* Уфа: Диалог: 25–34.

Зыков С.В. (2020) Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 3: 44–71.

Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2019) Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования). *Женщина в российском обществе*, 1: 64–76.

Клецина И.С. (2009) Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности. *Женщина в российском обществе*, 3: 29–41.

Малышев А.Г. (2017а) Влияние гендерно-чувствительных социальных сервисов (папа-школ) на вовлечение отцов в заботу о детях. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 1: 80–90.

Малышев А.Г. (2017б) Институциональные формы поддержки вовлеченного отцовства на Северо-Западе России. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*, 11: 20–29.

Малышев А., Парфенова О. (2012) Социальные сервисы как проводники трансформации родительских практик (на примере распространения папа-школ в Санкт-Петербурге). Ярская-Смирнова Е.Р., Сорокина Н.В. (ред.) *Социальные работники как проводники перемен*. М.: Вариант; ЦСПГИ: 68–88.

Мортари Л. (2016) *Практика заботы*. СПб.: Алетейя.

Отцовство в России сегодня (2016) *Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН* [http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf] (дата обращения: 13.12.2020).

Печерская Н.В. (2012). Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи. *Журнал исследований социальной политики*, 10(3): 323–342.

Римашевская Н.М., Малышева М.М., Пискалова-Паркер М.П. (2017) Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семей и общества. *Народонаселение*, 20(2): 28–41.

Рождественская Е. Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Саралиева З.Х. (2014) Субинститут родительства в современных семейных системах. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2: 118–123.

Синельников А. Б. (2015) Супружество, отцовство и материнство в российском обществе. *Социологический журнал*, 21(4): 132–148.

Сусорова Е.В., Лебедева О.Е. (2018) Психологическая и информационная поддержка молодых отцов как фактор формирования культуры ответственного отцовства в обществе на примере деятельности Санкт-Петербургской общественной организации социальной помощи «Семейный информационный центр». Малышев А.Г., Серeda М.В. (ред.) *Вопросы социальной работы в сфере социальной реабилитации, ресоциализации и социальной адаптации потребителей наркотиков. Т. 2. Социальная работа с мужчинами*. СПб.: СПбГБУ ГИМЦ «Семья»: 93–102.

Хитрук Е.Б. (2017) Социально-психологическая поддержка мужчин в контексте «мужских проблем». *Социологические исследования*, 11: 122–128.

Холостова Е.И., Климантова Г.И. (ред.) (2016) *Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации*. М.: Дашков и К°.

Цин В.С. (2017) Отцовская психотерапевтическая группа: возможности исследования и передачи опыта отцовства и человечности. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*, 11: 66–79.

Чернова Ж.В. (2011) Отцовство и модели семейной политики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4: 81–86.

Чернова Ж.В. (2012) Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 103–122.

Чернова Ж.В. (2018) Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 10(15): 6–23.

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2016) Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 521–534.

Åberg P., Rodin J. (2014) Fatherhood Across space and time Russia in perspective. *Baltic Worlds*, 4(3–4): 21–28.

Åberg P., Ekman J., Rodin J. (2017) What should a Russian father be like? Exploring fatherhood norms and identifying norm patterns among inhabitants of Saint Petersburg. *International Political Science Review*, 39(4): 487–502.

Beck-Gernsheim E. (2010) *Was kommt nach der Familie? Alte Leitbilder und neue Lebensformen*. München: C.H.Beck Verlag.

Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*, 60(2): 277–292.

Henry L.A. (2006) Shaping Social Activism in Post-Soviet Russia: Leadership, Organizational Diversity, and Innovation. *Post-Soviet Affairs*, 22(2): 99–124.

Johansson T., Klinth R. (2008) Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*, 11(1): 42–62.

Klinth R. (2008) The Best of Both Worlds? Fatherhood and Gender Equality in Swedish Paternity Leave Campaigns, 1976–2006. *Fathering A Journal of Theory Research and Practice about Men as Fathers*, 6(1): 20–38.

Lamb M.E. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*, 37(4): 451–457.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure (2013) *Annual Review of Anthropology*, 42: 327–343.

Levtov R, van der Gaag N, Greene M, Kaufman M, and Barker G (2015). *State of the World's Fathers: A MenCare Advocacy Publication*. Washington, DC: Pro-mundo, Rutgers, Save the Children, Sonke Gender Justice, and the MenEngage Alliance.

Lewis J. (1992) Gender and the development of welfare regimes. *Journal of European Social Policy*, 2(3): 159–173.

Lipasova A. (2017) Fatherhood in the Russian provinces: a theoretical and empirical analysis. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(4), 629–642.

Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Motiejunaite A., Kravchenko Zh. (2008) Family policy, employment and gender-role attitudes: a comparative analysis of Russia and Sweden. *Journal of European Social Policy*, 18(1): 38–49.

Pleck, J. H. (1998). American fathering in historical perspective. In: Hansen K.V., Garey A.I. (eds.), *Families in the U.S.: Kinship and Domestic Politics*. Philadelphia: Temple University Press: 351–361.

Williams S. (2008) What is Fatherhood? Searching for the Reflexive Father. *Sociology*, 42(3): 487–502.

Источники

Бергррен М., Еремин Н., Казанский С., Марценюк В., Мотыгин В., Туровец А. (2010) *Папа-школа: шаг за шагом*. М.: БЭСТ-принт.

Конституция Российской Федерации [<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>] (дата обращения: 08.09.2021).

Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 года №1618-р [<http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf>] (дата обращения: 13.12.2020).

Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы, утвержденная постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2012 года № 695 [<http://docs.cntd.ru/document/822401007>] (дата обращения: 13.12.2020).

Межрегиональная общественная организация «Союз отцов» (Главная страница) [<https://союзотцов.рф/>] (дата обращения: 13.12.2020).

«Союз отцов» предлагает распространить на одиноких многодетных отцов право на досрочное назначение страховой пенсии по старости [<https://www.союзотцов.рф/news/25597/>] (дата обращения: 13.12.2020).

Папашкола.рф [papashkola.ru] (дата обращения: 13.12.2020).

Положение о Совете отцов ГБОУ лицей № 395 [<http://licey395.ru/uploads/files/local/polozhenie-sovet-otczov.pdf>] (дата обращения: 13.12.2020).

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925>] (дата обращения: 08.09.2021).

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/] (дата обращения: 13.12.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 04.10.2021 № 573 «О Дне отца» [<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110040015>] (дата обращения: 21.04.2022).

Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/] (дата обращения: 13.12.2020).

Феминизм — отец науки о мужчинах. Беседа с Игорем Семеновичем Коном (2010) *polit.ru*. [<https://polit.ru/article/2010/01/13/kon/>] (дата обращения: 13.12.2020).

Список процитированных интервью

Интервью 1 — интервью со специалистом (мужчина) общественной организации социальной помощи семьям, организатором папа-школ, Санкт-Петербург, 2018 г.

Интервью 2 — интервью с руководителем (женщина) государственного центра социального обслуживания населения, организатором папа-школы, мероприятий «День отца», город — административный центр одного из регионов СЗФО с населением более 280 тыс. чел., 2015 г.

Интервью 3 — интервью с руководителем (мужчина) общественного объединения отцов, организатором мероприятий «День отца», город — административный центр региона СЗФО с населением более 340 тыс. чел., 2015 г.

Интервью 4 — интервью с психологом (мужчина) государственного центра социальной помощи семье и детям, организатором и модератором папа-школы, Санкт-Петербург, 2018 г.

Интервью 5 — интервью с руководителем (женщина) общественной организации социальной помощи семьям, организатором папа-школ, Санкт-Петербург, 2015 г.

Интервью 6 — интервью с руководителем (женщина) общественной организации социальной помощи семьям и детям, организатором и модератором

папа-школ, город — административный центр одного из регионов СЗФО с населением более 340 тыс. чел., 2015 г.

Интервью 7 — интервью со специалистом (мужчина) общественной благотворительной организации социальной помощи семьям и детям, организатором и модератором папа-школ, город в СЗФО с населением более 300 тыс. чел., 2015 г.

Интервью 8 — интервью с руководителем (мужчина) государственной социальной службы, участником общественного объединения отцов, организатором и модератором папа-школы, город в СЗФО с населением более 180 тыс. чел., 2015 г.

Интервью 9 — интервью с психологом (женщина) государственного учреждения здравоохранения женской консультации, модератором папа-школы, Санкт-Петербург, 2018 г.

THE INFRASTRUCTURE OF SUPPORT FOR INVOLVED FATHERHOOD

Aleksandr Malyshev (mirk912@rambler.ru)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Citation: Malyshev A. (2022) Infrastruktura podderzhki вовлеченного отцовства [The Infrastructure of support for involved fatherhood]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 177–207 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.7>

Abstract. The paper deals with institutional forms of involved fatherhood support in Russia. In recent decades the limited involvement of fathers in child rearing has been viewed as a problem in many countries. The means to address it has been the establishment of social institutions designed to enable more active participation of men in child rearing. The paper treats the ensemble of such institutions as an involved fatherhood support infrastructure. Potentially, its most effective element is the father's right to take parental leave. Such right in Russia, while provided for by law, is rarely exercised by fathers. Based on the research conducted by the author in St. Petersburg, Arkhangelsk, Vologda and Pskov regions, and in the Republic of Karelia, other technologies are considered to support involved fatherhood, such as: mass events dedicated to fatherhood, or group work with fathers (father schools, “Dad-schools”). The organizations to implement such technologies (public associations of fathers, state and non-profit social, educational, and healthcare organizations) are proposed. Mechanisms to disseminate the technologies supporting involved fatherhood are considered. The author concludes that involved fatherhood support infrastructure in Russia continues to

develop, as the technologies do not merge, but rather diversify, and the variety of father methods is only increasing. The views of facilitators of services and events to support involved fatherhood are analyzed in terms of fatherhood models they choose to promote as their mission. It is concluded that expected outcomes for them include the promotion of responsible fatherhood, child-centered masculinity, as well as prevention of absent fatherhood.

Keywords: fatherhood, involved fatherhood, infrastructure, social services, Daddy-schools, parenthood, family policy.

References

Åberg P., Ekman J., Rodin J. (2017) What should a Russian father be like? Exploring fatherhood norms and identifying norm patterns among inhabitants of Saint Petersburg. *International Political Science Review*, 39(4): 487–502.

Åberg P., Rodin J. (2014) Fatherhood Across space and time Russia in perspective. *Baltic Worlds*, 4(3–4): 21–28.

Beck-Gernsheim E. (2010) *Was kommt nach der Familie? Alte Leitbilder und neue Lebensformen*. München: C.H.Beck Verlag.

Bezrukova O.N. (2012) Novyye praktiki podderzhki molodykh ottsov [New practices for supporting young fathers]. *Sotsial'naya rabota: teorii, metody, praktika. Materialy internet-konferentsiy i seminarov* [Social work: theories, methods, practice. Materials of Internet conferences and seminars], 2: 20–22 (in Russian).

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2017) Ottsovskiy otpusk v Rossii: mechty ili real'nost'? [Paternity leave in Russia: a dream or reality?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 116–125 (in Russian).

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2019a) «Papy po lyubvi» i «papy ponevole», ili pochemu rossiyskiye ottsy ne idut v otpusk po ukhodu za rebenkom? ['Eager dads' and 'dads against their will', or why russian dads are reluctant to go on parental leave] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 90–101 (in Russian).

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2019b) Podderzhka ottsovstva — novoye napravleniye semeyno-demograficheskoy politiki sovremennoy Rossii. [Support for paternity is a new direction of family and demographic policy in modern Russia] In: Ryazantseva S.V., Rostovsky T.K. (ed.) *Natsional'nyye demograficheskiye prioritety: novyye podkhody, tendentsii. Seriya: Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika*. [National demographic priorities: new approaches, trends. Series: Demography. Sociology. Economy]. Moscow: Ekon-Inform: 202–205 (in Russian).

Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2020) Ottsovstvo i podderzhka ottsov: trendy sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Fatherhood and Support for Fathers: Trends in Modern Foreign Studies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 232–272 (in Russian).

Chernova Zh.V. (2011) Ottsovstvo i modeli semeynoy politiki [Fatherhood and family policy models]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 4: 81–86 (in Russian).

Chernova Zh.V. (2012) Semeynaya politika v zapadnoyevropeyskikh stranakh: modeli otstvstva [Family policies in western european countries: the models of fatherhood]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(1): 103–122 (in Russian).

Chernova Zh.V. (2018) Rerezentatsii otstvstva: sotsiologicheskii analiz blogov [Representation of fatherhood: blogs' sociological analysis]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [INTER], 10(15): 6–23 (in Russian).

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. (2016) Professionalizatsiya roditel'stva: mezhdru ekspertnym i obydenym znaniyem [The professionalization of parenthood: between common sense and expert knowledge]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 14(4): 521–534 (in Russian).

Derevyanko P.A., Markhheim M.V. (2012) *Institut otcovstva v Rossii: problemy konstitucionno-pravovoy teorii i praktiki* [The Institute of fatherhood in Russia: Problems of Constitutional Legal Theory and Practice]. Rostov-on-Don: Rostizdat (in Russian).

Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*, 60(2): 277–292.

Eremin N.N. (2017) Obzor praktik sotsial'noy raboty s ottsami [The review of the practices of social work with fathers]. *Sotsial'noye obsluzhivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskii sbornik* [Social services to families and children: scientific and methodological collection], 11: 30–45 (in Russian).

Eremin N.N. (2019) Ot pervykh papa-shkol do vserossiyskikh soyuzov: khronika peremen organizovannoy raboty s ottsami [From the first daddy-schools to the all-Russian unions: a chronicle of changes in organized work with dads]. In: Frolova I.V. (ed.) *Gendernyye rezhimy sovremennoy obshchestva: mozaika stsenariyev maskulinnosti i feminnosti: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Gender regimes of modern society: a mosaic of scenarios of masculinity and femininity: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa: Dialog: 25–34 (in Russian).

Grigoryeva I.A., Kozlov A.A., Samoylova V.A. (ed.) (2006) *Sotsial'naya rabota i grazhdanskoye obshchestvo* [Social work and civil society]. St. Petersburg: Skifiya-print (in Russian).

Henry L.A. (2006) Shaping Social Activism in Post-Soviet Russia: Leadership, Organizational Diversity, and Innovation. *Post-Soviet Affairs*, 22(2): 99–124.

Johansson T., Klinth R. (2008) Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*, 11(1): 42–62.

Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2019) Gendernyye stereotipy v sovremennoy sem'ye: zhenshchiny i muzhchiny (na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniya) [Gender stereotypes in the modern family: women and men (on the basis of a sociological research)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 1: 64–76 (in Russian).

Khitruk E.B. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskaya podderzhka muzhchin v kontekste «muzhskikh problem» [Psychosocial support of men in the context of «male problems»]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological Research], 11: 122–128 (in Russian).

Kholostova E.I., Klimantova G.I. (ed.) (2016) *Entsiklopediya sotsial'nykh praktik podderzhki sem'i i detstva v Rossiyskoy Federatsii* [Encyclopedia of Social Practices for

Supporting Family and Childhood in the Russian Federation]. Moscow: Dashkov i K° (in Russian).

Kletsina I.S. (2009) Ottsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 3: 29–41 (in Russian).

Klinth R. (2008) The Best of Both Worlds? Fatherhood and Gender Equality in Swedish Paternity Leave Campaigns, 1976–2006. *Fathering A Journal of Theory Research and Practice about Men as Fathers*, 6(1): 20–38.

Lamb M.E. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure (2013) *Annual Review of Anthropology*, 42: 327–343.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*, 37(4): 451–457.

Levtov R, van der Gaag N, Greene M, Kaufman M, and Barker G (2015). *State of the World's Fathers: A MenCare Advocacy Publication*. Washington, DC: Promundo, Rutgers, Save the Children, Sonke Gender Justice, and the Men Engage Alliance.

Lewis J. (1992) Gender and the development of welfare regimes. *Journal of European Social Policy*, 2(3): 159–173.

Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Lipasova A. (2017) Fatherhood in the Russian provinces: a theoretical and empirical analysis. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(4), 629–642.

Malyshev A.G. (2017a) Institutsional'nyye formy podderzhki вовлеченного отцовства na Severo-Zapade Rossii [Institutional forms of support for involved fatherhood in Northwest Russia]. *Sotsial'noye obsluzhivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskiy sbornik* [Social services to families and children: scientific and methodological collection], 11: 20–29 (in Russian).

Malyshev A.G. (2017b) Vliyaniye genderno-chuvstvitel'nykh sotsial'nykh servisov (papa-shkol) na вовлечениe ottsov v zabotu o detyakh [Impact of gender-sensitive social services (father schools) on fathers' involvement in child care]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 1: 80–90 (in Russian).

Malyshev A., Parfyonova O. (2012) Sotsial'nyye servisy kak provodniki transformatsii roditel'skikh praktik (na primere rasprostraneniya papa-shkol v Sankt-Peterburge) [Social services as agencies of transformation of parenting practices (on the example of dissemination of daddy-schools in Saint-Petersburg)]. In: Yarskaya-Smirnova E.R., Sorokina N.V. (ed.) *Sotsial'nyye rabotniki kak provodniki peremen* [Social workers as agents of change]. Moscow: Variant; CSPGS: 68–88 (in Russian).

Mortari L. (2016) *Praktika zaboty* [Practice of care]. St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Motiejunaite A., Kravchenko Z. (2008) Family policy, employment and gender-role attitudes: a comparative analysis of Russia and Sweden. *Journal of European Social Policy*, 18(1): 38–49.

Ottsovstvo v Rossii segodnya [Fatherhood in Russia Today] (2016) *Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniya RAN* [Institute of Socio-Economic Problems of Population RAS] [http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf] (accessed: 13.12.2020) (in Russian).

Pecherskaya N.V. (2012). Mifologiya roditel'stva: analiz diskursivnogo proizvodstva ideal'noy sem'i [The mythology of parenting: an analysis of the discursive production of the ideal family]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 10 (3): 323–342 (in Russian).

Pleck J.H. (1998). American fathering in historical perspective. In: Hansen K.V., Garey A.I. (eds.), *Families in the U.S.: Kinship and Domestic Politics*. Philadelphia: Temple University Press: 351–361.

Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Pisklakova-Parker M.P. (2017) Balans professional'nykh i semeynykh roley otsov kak zalog ustoychivosti semey i obshchestva [Balance of professional and family roles of fathers as a guarantee of the sustainability of families and society]. *Narodonaseleniye* [Population], 20 (2): 28–41 (in Russian).

Rozhdestvenskaya E.Y. (2020) Vovlechennoye ottsovstvo, zabolivaya maskulinnost [Involved fatherhood, caring masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Saraliyeva Z.H. (2014) Subinstitut roditel'stva v sovremennykh semeynykh sistemakh [Substitute of parenting in modern family systems]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 2: 118–123 (in Russian).

Sinelnikov A. B. (2015) Supruzhestvo, ottsovstvo i materinstvo v rossiyskom obshchestve [Marriage, fatherhood and motherhood in Russian society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 21 (4): 132–148 (in Russian).

Susorova E.V., Lebedeva O.E. (2018) Psikhologicheskaya i informatsionnaya podderzhka molodykh otsov kak faktor formirovaniya kul'tury otvetstvennogo ottsovstva v obshchestvena primere deyatel'nosti Sankt-Peterburgskoy obshchestvennoy organizatsii sotsial'noy pomoshchi «Semeynny informatsionnyy tsentr» [Psychological and informational support of young fathers as a way to create the culture of responsible fatherhood on the example of activity of the St. Petersburg public organization of social assistance «Family Information Center»]. In: Malyshev A.G., Sereda M.V. (ed.) *Voprosy sotsial'noy raboty v sfere sotsial'noy rehabilitatsii, resotsializatsii i sotsial'noy adaptatsii potrebiteley narkotikov. Tom 2. Sotsial'naya rabota s muzhchinami* [Issues of social work in the field of social rehabilitation, resocialization and social adaptation of drug users. Volume 2. Social work with men]. St. Petersburg: SPbGBU GIMZ «Semya»: 93–102 (in Russian).

Tsin V.S. (2017) Ottsovskaya psikhoterapevticheskaya gruppya: vozmozhnosti issledovaniya i peredachi opyta ottsovstva i chelovechnosti [Fathers Group Therapy: opportunities for research and transfer of fatherhood experience and humanity]. *Sotsial'noye obsluzhivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskii sbornik* [Social services to families and children: scientific and methodological collection], 11: 66–79 (in Russian).

Vasilyeva S.M., Voronov A.N. (2013) InstitutSIONAL'nyye formy raboty s ottsami v sovremennoy Rossii (na primere Sankt-Peterburga) [Institutional forms of working

with fathers in modern Russia (on the example of St. Petersburg)]. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty* [Domestic Journal of Social Work], 3: 56–58 (in Russian).

Williams S. (2008) What is Fatherhood?: Searching for the Reflexive Father. *Sociology*, 42(3): 487–502.

Zykov S.V. (2020) Osushchestvleniye prava ottsovstva v sovremennoy Rossii: pravoprimeritel'nyye i zakonodatel'nyye prepyat'stviya [Problems of implementing rights of fatherhood in modern Russia]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher school of economics], 3: 44–71 (in Russian).